

А. А. Трофимов

Лаборатория востоковедения и компаративистики, ШАГИ РАНХиГС
Москва, Россия

ИМЕНА С СУФФИКСОМ **-ka* В ПАРАЧИ И ОРМУРИ

Аннотация: Статья посвящена ударению именных основ с суффиксом **-ka* в малых иранских языках парачи и ормури в сравнении с ударением в именных основах афганского пушту, сохранившим следы праиранского и праиндоевропейского ударения.

В работе рассмотрены этимологические соответствия **-ka*-основ в пушту основам в парачи и ормури и был проведен сравнительный анализ полученных данных. Для обоих типов производных **-ka*-основ было установлено всего порядка десяти надежных соответствий, что обусловлено недостаточной документацией данных парачи и ормури; тем не менее, наиболее убедительные примеры показывают, что в парачи и ормури акцентуация имен на **(a)ka* также подчиняется правилу «контрастного ударения», наблюдаемому в пушту и ведийском. Наиболее убедительные примеры, хотя и сравнительно малочисленные, находят достоверные этимологические параллели в пушту.

Ключевые слова: малые иранские языки, парачи, ормури, канигурамский, логарский, афганский язык (пушту)

A.A. Trofimov

NOUNS ON SUFFIX **-ka* IN PARACHI AND ORMURI

Abstract: The article is devoted to the stress of nominal stems on the suffix **-ka* in Parachi andOrmuri, two minor Iranian languages, in comparison with Pashto stems preserving traces of Proto-Iranian and Proto-Indo-European stress. The Parachi andOrmuri etymological correspondences to **-ka*-stems in Pashto are examined in this study and comparative analysis of the data is provided. Both types of **-ka* stem derivatives consist of approximately ten reliable correspondences due to insufficient documentation of Parachi andOrmuri. The most compelling examples demonstrate that the accentuation of Parachi andOrmuri nouns in **(a)ka* is equally characterized by «stress by contrast», as is the case in the accentuation of Pashto and Vedic nouns. The most convincing examples, though relatively few, have reliable etymological cognates in the Pashto language.

Key words: minor Iranian languages, Parachi,Ormuri, Afghan language (Pashto)

В статье рассмотрены имена с суффиксом **-ka* в парачи и ормури и их параллели в языке пушту.

Как известно, афганский (пушту) отличается от большинства иранских языков характером ударения, которое является силовым и разноместным [Грюнберг 1987: 38]. В 1942 г. Г.Моргенштерне предположил, что в пушту сохраняются рефлексy более древнего типа акцентуации, отражающие в целом систему, засвидетельствованную в ведийском языке [Morgenstierne 1942: 95-97]. В том же году В.Хеннинг независимо от норвежского исследователя отметил ряд случаев сохранения старого индоиранского ударения (идентичного по месту ведийскому) в различных иранских языках западной и восточной групп [Henning 1942: 52-53].

Убедительные и проработанные результаты относительно этого вопроса были освещены В. А. Дыбо, в публикации 1974 г. «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской этимологии», в данной публикации В. А. Дыбо насколько возможно полно описал именные основы языка пушту с точки зрения ударения [Дыбо 1974]. В. А. Дыбо на основании обширного материала пришел к выводу, что все именные основы в пушту могут быть разделены на баритонированные и окситонированные, а место ударения в них совпадает с местом ведийского и индоевропейского ударения. Это также касается и производных основ с суффиксом **-ka*, которые характеризуются ударением «по контрасту»; по формулировке автора, «непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на *-au* делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне, и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В – имена, основанные от индоиранских баритон» [Дыбо 1974: 90]. Аналогичным образом были построены производные имена в ведийском языке [Дыбо 1974: 102-105].

Из индоиранских языков наиболее наглядно демонстрирует действие данного правила древнеиндийский, в котором более четко видны морфемные границы. Многочисленные примеры для древнеиндийского, преимущественно ведийского периода, приводятся В. А. Дыбо в статье, посвященной ударению в пушту [Дыбо 1974: 102-105]; далее мы перечислим только некоторые показательные примеры:

Акцентный тип А (barytona)

1. *ráṛaka* - adj. 'злой' ~ *pará* - adj. 'злой';
2. *śítaka* - adj. 'прохладный' ~ *śítá* - adj. 'холодный';
3. *nágnaka* - adj. 'голый' ~ *nagná* - adj. 'голый';
4. *úṣṇaka* - adj. 'горячий' ~ *uṣṇá* - adj. 'горячий'.

Акцентный тип В (oxytona)

1. *arbhaká* - adj. ‘маленький’ ~ *árbha* - adj. ‘маленький’;
2. *sanaká* - adj. ‘старый’ ~ *sána* - adj. ‘старый’;
3. *śanaká* - adj. ‘медленный’ ~ *śána* - adj. ‘медленный’;
4. *sarvaká* - adj. ‘каждый’ ~ *sárva* - adj. ‘целый, полный, весь, каждый’.

В пушту В. А. Дыбо отмечает 13 слов, относящихся к акцентному типу А, и 15 слов, относящихся к акцентному типу В.

Далее будут приведены случаи этимологических соответствий *-ka-основ в пушту основам в парачи и ормури и будет проведен сравнительный анализ этих данных.

Тип А (Barytona)

1. Афганский (пушту) *zémay* ‘зима’ ~ орм. кан. *zímak*, лог. *zómok* ‘зима’ ~ пар. *zéma* (вариант *zemá*) ‘зима’ [Dybo 1974: 90; Ефимов 1986: 128; Ефимов 2009: 252; IIFL-1: 302, 409; NEVP: 102].

Приведенные соответствия отражают праир. **žíma*ka- при производящем **žíma*-, ср. авест. *zəma*ka- ‘зимняя буря’, др.-инд. *himá*- ‘холодный; зима’.

Возможно, в парачи рассматриваемые формы появились в результате прохождения через стадию с метатезой **žamika*-. Особенно явно это видно по одной лексеме в парачи, где гласный *e* является результатом умлаута, ср. пар. *ger* ‘камень’ < праир. **gari*-, ср. авест. *garay*- : *ga’ri*- ‘гора; горная местность, горная цепь’, ср.-перс. *gar* ‘гора’ и т. д. [ЭСИЯ III: 191-193]. Г. Моргенштерне придерживается мнения, что *e* в парачи – закономерный рефлекс праир. **i* [IIFL-1: 25], но в его материалах всего четыре примера вместе с *zéma*, причем оставшиеся три могут быть заимствованиями.

Приведенная серия соответствий между этими тремя языками является одной из наиболее убедительных; данные определенно указывают на баритонезу. Вариант конечнослогового ударения в парачи, на который указывает В. А. Ефимов, безусловно, вторичен (в этом отношении показательно, что В. А. Ефимов фиксирует только форму *zéma* для пачаганского и шутульского диалектов парачи).

2. Афганский (пушту) *wəžay*, ванечи *wərža* ‘голодный’ – парачи *yúrča* ‘голодный’ [NEVP: 86-87].

Праформа **wřšaka*-; в западноиранских языках распространен вариант **wřšnaka*-, ср. ср.-перс. *gušnag*, *gursag*; нов.-перс. *gušnah*, *gurusnah*; бахтияри *gosne*; белуджский *gušnag*; мазендаранский *vašnā* ‘голодный’ и т. д. [Klingenschmitt 2000: 208; Cathcart 2022: 13]. В парачи ударение совпадает с афганским (пушту).

3. Афганский (пушту) *máray* ‘труп, мертвец’ – формы причастия глагола *m-* ‘умирать’ в орм. кан. Е (В. А. Ефимов) *múlluk* ~ *múluk*, ж. р. *malk*; лог. Е *mólluk* ~ *mólok*;

пар. **М** (Г. Моргенштерне) *múrō*, **Е** *móru* ‘мертвый’; **М** *múrda*, **Е** *morda* ‘покойник’ [Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IFL-1: 273, 400; ЭСИЯ V: 210-211; NEVP: 51].

Сравниваемые здесь формы так или иначе продолжают праформу **mṛtaka-* < **mṛtá-*, в др.-инд. соответствиями являются *mṛtá-* ‘мертвый’ и *mṛtaka-* ‘умерший, труп’ с незасвидетельствованным ударением. В парачи **Е** *morda* ‘покойник’ заимствовано из персидского, но ударение на первом слоге установилось, вероятно, под влиянием исконного для парачи слова **М** *múrō*, **Е** *móru* ‘мертвый’ (то же касается и варианта **М** *múrda*).

В индоевропейской ретроспективе есть свидетельства, указывающие на существование то ли другого варианта ударения, то ли параллельной баритонированной основы **mṛto-* со значением ‘убийство’, ср. прагерм. *múrpa-* ‘убийство’ (др.-англ. *morð*, др.-в.-нем. *mord* ‘убийство’) < и.-е. **mṛto-* [Orel 2003: 277; Kroonen 2013: 378]. С сомнением сюда же можно отнести греч. *βρότος* ‘кровь из раны, запекающаяся кровь’, в отношении семантики можно сравнить лат. *cruor* ‘кровь (вытекшая из раны); кровопролитие, убийство; кровь, капли крови’ [OLD: 462]. Др.-инд. *mṛtá-* Neut. ‘смерть’ указывает при этом на окситонезу, но в данном случае наблюдаемое ударение в древнеиндийском может быть вторичным под влиянием причастия *mṛtá-*. Вообще для древнеиндийского прослеживается тенденция смены ударения в подобных баритонированных причастиях и прилагательных на окситонезу [Дыбо 1961: 29-34].

4. Афганский (пушту) *táḡay*, ванечи *tárža* ‘томимый жаждой, жаждущий’ – в ормури формы причастий **Е** кан. *tatak*, ж. р. *totk*, **М** *tōtk*; **Е** лог. *trónok* кан. *trának*, **М** лог. *trúnuk*, кан. *tranak*; пар. **Е** *t’an*, **М** *thân* ‘испытывающий жажду, желающий пить; жажда’, также **М** *tána*, *tan* ‘испытывающий жажду’ [Дыбо 1974: 90-91; Ефимов 1986: 129, 192; Ефимов 2009: 242; IFL-1: 293-294, 410; NEVP: 81].

В. А. Дыбореконструирует прилагательное **tṛsuka-* < **tṛsú-*, индоевропейские соответствия, указывающие на место ударения, – др.-инд. *tṛsú-* ‘жадный, жаждущий’; прагерм. **þurzu-* < **þursú-* (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *þyrre* «с перестройкой *u*-основы в основу на *-ja-*») [Дыбо 1974: 90-91]. Наиболее близкое к пушту *táḡay* ‘жаждущий’ образование – безусловно, орм. кан. *tatak* < **tṛštaka-*, однако ударение в последнем слове не засвидетельствовано. Косвенным свидетельством в пользу ударения *tátak* могут служить близкие по форме и значению прилагательные орм. лог. *trónok*, орм. кан. *trának* ‘испытывающий жажду, желающий пить’, восходящие к праформе **tṛšnaka-* или **táršnaka-* с дальнейшим видоизменением под влиянием глагола *tr-* ‘пить’, или ранней метатезой. Для праиранского причастия **tṛštaka-* закономерным будет баритонное ударение, ср. др.-инд. причастие *tṛṣṭá-* при глаголе *tṛṣyati* ‘испытывает жажду’. Форма парачи *tána*, как кажется, тоже указывает на **tṛšnaka-* или **táršnaka-* при пар. **Е** *t’an*, **М** *than* < праир. **táršnā-* ‘жажда’ (в др.-инд. *tṛṣṇā-* ‘жажда’, в авестийском – *taršna-* ‘жажда’).

5. Афганский (пушту) *stóray* ‘звезда’ – орм. лог. **E** *stešák*, кан. **M** *stirrak* ‘звезда’; пар. **E** *estěč* ~ *éstěč*, **M** *estěč* ‘звезда’ [Дыбо 1974: 92; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IIFL-1: 236, 407; NEVP: 77].

Для пушту восстанавливается праформа **stāraka-*, имеющая точную древнеиндийскую параллель *tāra* ‘звезда’. Форма в парачи восходит к **stār-či-*, а формы ормури – к **stār-či-kā*. Таким образом, окситонеза в ормури не противостоит баритонезе, засвидетельствованной в афганском (пушту), а получена по правилу контрастного ударения от праформы **stār-či-*.

6. Афганский (пушту) *wážay* ‘колос; гроздь’, ванечи *wážay* ‘колос; гроздь’ – пар. **M** *uya* ‘колос’ [ЭСИЯ I: 269-270; NEVP 86].

Праформа **áwšaka-* ‘колос’: праир. **š* дает в пушту **ž*, а в ванечи **ž*. Можно предполагать, что данная основа связана с праир. *awš-*: *uš-* ‘ухо’ или названием для овса и других злаков, ср. лит. *avižà* ‘овес’, праслав. **ovъsъ* ‘овес’, лат. *auēna* ‘овес’ [ЭСИЯ I: 269-270]. И та, и другая этимологии предполагают производность по отношению к изначально окситонированному или с подвижным ударением имени (ср. лит. *ausis* 4 ‘ухо’). Место ударения в парачи не отмечено.

7. Афганский (пушту) *wárgay* ‘почка’ – орм. кан. *yulkák* ‘почка’ [Ефимов 1986: 91; NEVP: 89].

Праформа **wṛtkaka-* с контрастной баритонезой, ср. др.-инд. *vṛkká*, авест. *vərədka-* ‘почка’, по всей видимости, от праиндоиранского глагола **wart-* ‘поворачивать’ [EWAia II: 571-572]. Место ударения в ормури указывает на окситонезу **wṛtkaká-*, или же в данном случае наблюдается поздний вторичный суффикс, присоединявшийся к основе с конечным ударением **wṛtká-*.

8. Афганский (пушту) *žəway* ‘живой’ – прямого соответствия нет, в пар. **E** *jánō*, *jánu*, **M** *jánō* ‘живой’ [Дыбо 1974: 91; Ефимов 2009: 218; IIFL-1: 262; ЭСИЯ III: 210-211; NEVP: 51].

При том, что пушту *žəway* восходит напрямую к **jīwaka-* < **jīwá-* (ср. др.-инд. *jīvá* ‘живой, живущий; животворный’), праформа для парачи – **j(i)wāntaka(hya)-*. Переход **-nt-* > *n* для парачи является закономерным, см. [IIFL-1: 37]. Место первоначального ударения в парачи теоретически могло быть на втором слоге, тогда **j(i)wān(t)aka-* – можно считать баритонезой.

9. Афганский (пушту) *óžay* ‘плечевая кость’ – орм. кан. **M** *bazar* ~ *bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’ [Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 83; IIFL-1: 390; ЭСИЯ II: 161-164; NEVP: 94].

Праформа для пушту *óžay* – **bāzuka-* < **bāzú-*. Индоиранское ударение устанавливается первоначально по др.-инд. *bāhuka-* ‘плывущий (руками)’, ударение засвидетельствовано у Панини: 4, 4, 7 [Дыбо 1974: 90], производному от др.-инд. *bāhú-* ‘рука’. Это один из случаев несогласования ударения между древнеиндийским и греческим, ср. греч. *πῆχυς* ‘локоть; рука; предплечье’, но для праиндо-

иранского исходная окситонеза производящей основы выглядит бесспорной. Этимологическое соответствие в ормури должно отражать праформу **bāzura-*, как и пушту *wazár-* ‘крыло; плечо’ с неясными искажениями или контаминацией с другой основой (возможно **wazaθra-* от глагольного корня **waz-* ‘летать’ < ‘ехать’). Место ударения в ормури, так или иначе, точно не засвидетельствовано.

Парачи **E** *bâz ~ bâzú*, **M** *bâzú* ‘рука (от локтя до плеча), плечо’ – заимствование из персидского [Ефимов 2009: 177; IFL-1: 244].

Можно констатировать, что приведенные соответствия показывают, что в целом баритонированные **ka*-основы в рассматриваемых языках подчиняются общим закономерностям. Для случаев 1-4 полное совпадение в образовании основ и в месте ударения. В случае 5 имеется два параллельных образования на **-ka*. В случае 6 образования идентичны, но в парачи ударение не засвидетельствовано. 7-е соответствие неясно с точки зрения ударения. В случаях 8-9 в парачи и ормури отмечаются основы, образованные другим способом.

Соответственно, наиболее архаичные основы в этих языках показывают совпадение по месту ударения; параллельные образования также обнаруживают закономерное ударение «по контрасту».

Тип В (oxytona)

Здесь следует особо отметить (поскольку В. А. Дыбо не комментирует этот важный для сопоставления языков аспект), что в пушту в окситонированных основах происходит перенос ударения на предпоследний слог с дальнейшим усечением последнего слога **-ka* до -у. Похожие фонетические процессы наблюдаются также в парачи и ормури.

1. Афганский (пушту) *mrayá* ‘раб, невольник’ – орм. кан. *mrik* ‘раб, невольник, слуга’ [Дыбо 1974: 93; Ефимов 1986: 129; ЭСИЯ V: 217-218; NEVP: 52].

Оба слова восходят к **maryaká-* < **márya-*, ср. др.-инд. *márya-* ‘молодой мужчина; жених; молодой женатый мужчина’, авест. *ma'riia* ‘мужчина (дэвовское слово); лжец; негодяй, подлец’ и др.-инд. *maryaká-* ‘человечек’. Среди иранских соответствий стоит отметить др.-перс. *marika* ‘человек из свиты, подданный’, ср.-перс. *mylk* / *mērag* / ‘молодой человек, состоявшийся в обществе; муж’, бактр. *μαρηγο* [*marēg*/γ] ‘раб, слуга’ [ЭСИЯ V: 217-218].

По всей видимости, данная основа в ормури претерпела следующие изменения: **maryaká-* > **mariká-* > **mariká-* > **marik* > *mrik*. Переход ударения с третьего на второй слог с дальнейшим усечением последнего слога в основах на **-ka* стандартен для ормури (как и для парачи), но старое место ударения все равно надежно устанавливается благодаря синкопе первого слога.

Безусловно, подобное безупречное совпадение по форме и значению между ормури и афганским (пушту) может заставить подозревать древнее заимствование из пушту в ормури, но в свете всех имеющихся данных по многочисленным схождениям между языками это скорее древняя изоглосса, поддерживаемая важным соответствием в бактрийском с аналогичным значением.

2. Афганский (пушту) *nwasáu* ‘внук’ – пар. Е *nawá* ‘внук’ [Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IIFL-1: 273, 400; 5: 210-211; NEVP: 51].

В. А. Дыбо реконструирует **naptraká-*, однако Д. И. Эдельман отмечает, что более вероятна реконструкция **napā(t)saká-*, в ее формулировке – «Nom. **napāts* > **napās* с наращением суффикса *-aka*» [ЭСИЯ 5: 473]. Относительно парачи *nawá* Г. Моргенштерне полагает, что это прямое продолжение праформы **nápāt-*, но одинаково возможно и отражение **napātaká-* или **napā(t)saká-*, ввиду усечения, соответственно, формы пушту и парачи могут быть продолжением одной праформы.

Парачи *net* ‘внучка’ является примечательной словоформой, отражающей древнее имя **naptí-* или **naptí-*, ср. др.-инд. *naptí-*, авест. *naptī-*; в других средне- и новоиранских языках его прямое продолжение не сохранилось.

Засвидетельствованные в ормури формы *nwasáu* и *nasáu* ‘внук’ явно заимствованы из пушту [IIFL-1: 413].

3. Афганский (пушту) *wráy* ‘ягненок’, ж. р. *wráy* – пар. М *yaró* ‘ягненок, овца’, род. п. *yarwika* < **waraká-* [Дыбо 1974: 90; Ефимов 1986: 195; Ефимов 2009: 218; IIFL-1: 256; NEVP: 91].

Окситонеза **waraká-* образована по правилу контрастного ударения от вед. *úran-*, *úraṇa-* ‘ягненок’ и продолжает более раннюю праформу **warṇká-* [Hoffmann 1992: 791-792]. Производное в парачи М *mogorúk* ‘овца’ [IIFL-1: 271] указывает на однозначное происхождение от основы с суффиксом *-ka*.

4. Афганский (пушту) *axsáy* ‘шурин, зять’ – орм. *xōšāi* ‘свекор’, орм. лог. М *xusúr*, орм. кан. М *xsir*; пар. М *xásur* ~ *xasúr* ‘свекор’ [Дыбо 1974: 94; Ефимов 1986: 146; IIFL-1: 300, 413; ЭСИЯ III: 487-488; NEVP: 12].

Праформой для пушту должно служить **(ā)-hwaśruká-* или **(ā)-hwaśuryaká-* при производящей основе **hwaśura-*, ср. др.-инд. *śvāsura-* ‘свекор’, герм. **swéhuraz* ‘свекор’ (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*). Формы ормури и парачи являются заимствованиями, хотя и приведены в «Этимологическом словаре иранских языков» как исконные [ЭСИЯ III, 487-488].

5. Афганский (пушту) *zyaráy* ‘желтый, бледный’, *zēráy* ‘желтуха’ – пар. Е *zíta*, М *zíťō* ~ *zíťu* ~ *zíťa* ‘желтый’ [Дыбо 1974: 95; Ефимов 1997: 472; IIFL-1: 303; NEVP: 104].

Праформа **žaritaká-* образована от уже обсуждавшейся выше основы **žárita-*. В парачи слово *zíťa* является прямым продолжением **žárita-* и, вероятно, влияет на ударение в слове *zíťō* < **žaritaka(hya)-*.

Следует отметить, что и список окситонированных основ также может быть расширен, приведем только один пример:

6. Афганский (пушту) *məžáyu* ‘муравей’ – орм. кан. **E** *marcōi*, **M** *marcōi* ‘муравей’; пар. **M** *mīčō* [Ефимов 1986: 70; IFL-1: 270, 400; ЭСИЯ 5: 246-248; NEVP: 48].

В указанной статье В. А. Дыбо данное слово не рассматривается. Предполагается праформа **marwičaká-*, вероятно, видоизмененная; ударение производной основы проследить проблематично: др.-инд. *vamrá-* ‘муравей’ с метатезой [EWAia II: 507], при этом греч. *μύρμαξ* ‘муравей’ указывает на баритонезу.

В ормури и парачи есть также некоторое количество производных основ на **-ka*, указывающих на окситонезу, но не имеющих соответствий в пушту. Например, можно отметить такие случаи:

Ормури лог. **E** *wok*, кан. *wak* ‘вода’ < **āwáka-* < **āráka-*, производящее **ápa-*, ср. др.-инд. *ápa-* ‘вода’ наряду с корневым именем *áp-*.

Ормури *daská* ‘шерстяная нить’ < ‘скрученная из десяти нитей’ < праир. **daśaka-* ‘десятка’, основа бесспорно возводится к праир. **daśaká-* < **dáśa-* ‘десять’ и т. д. [Ефимов 1985: 53-56; Ефимов 1986: 129-131].

Заключение

Обзор имен с окситонезой в словах с суффиксом **-ka* обнаруживает, что в наиболее надежных случаях в парачи и ормури они производны по отношению к баритонированным непроеизводным основам.

Приведенные в работе данные показывают, что в парачи и ормури акцентуация имен на **(a)ka* подчиняется правилу «контрастного ударения», наблюдаемому в пушту, а также – на более глубоком хронологическом срезе – в ведийском. Наиболее убедительные примеры, хотя и сравнительно малочисленные, находят достоверные этимологические параллели в языке пушту.

Список сокращений

E – В. А. Ефимов

M – Г. Моргенштерне

adj. – adjective

Neut. – neuter

Nom. – nominative

Названия языков и диалектов

авест. – авестийский

бактр. – бактрийский

греч. – древнегреческий

др.-англ. – древнеанглийский

др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
 др.-инд. – древнеиндийский
 др.-перс. – древнеперсидский
 др.-сакс. – древнесаксонский
 и.-е. – индоевропейский
 лат. – латышский
 лит. – литовский
 нов.-перс. – новоперсидский
 орм. – ормури
 орм. кан. – ормури канигурамский
 орм. лог. – ормури логарский
 пар. – парачи
 прагерм. – прагерманский
 прасл. – праславянский
 праир. – праиранский
 ср.-перс. – среднеперсидский

Литература

- Грюнберг А. Л. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Ленинград: Наука, 1987.
- Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация // Т.М. Судник (ед.). Балтославянские исследования 1974. С. 67-105.
- Ефимов В. А. Ударение в языке ормури // Индоиранское языкознание. Ежегодник 1981. Москва, 1985. С. 31-64.
- Ефимов В. А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. Москва: Наука, 1986.
- Ефимов В. А. Язык парачи. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009.
- ЭСИЯ – В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Этимологический словарь иранских языков. Москва: Восточная литература РАН. Т. I – 2000; т. 3 – 2007. (In Russ.)
- Cathcart Chundra A. Dialectal layers in West Iranian: a Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships // Transactions of the Philological Society 120 (2022 in print): 1-31.
- EWAia = Manfred Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I–II. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Henning Walter Bruno. The disintegration of the Avestic studies // Transactions of the Philological Society 1941, 41: 40-56.
- Hoffmann Karl. Veditica. Aufsätze zur Indoiranistik. Bd. III, 1992 (1982), 767–800.

- IIFL-1 – Morgenstierne Georg. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I: Parachi and Ormuri. Oslo: Institut for Sammenlignende Kulturforskning, 1929.
- Klingenschmitt Gert. Mittelpersisch // Bernhard Forssman, Robert Plath (Eds.) Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen. Wiesbaden, 2000, 191–230.
- Kroonen Guus. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden/Boston: Brill, 2013.
- Morgenstierne Georg. Archaisms and innovations in Pashto Morphology // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap, 1942, 12: 88–114.
- NEVP – Morgenstierne Georg. A new etymological vocabulary of Pashto / by Georg Morgenstierne; compiled and ed. by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Reichert, 2003.
- OLD – Glare P.G.W. Oxford Latin Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Orel Vladimir E. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden: Brill, 2003.

References

- Cathcart Chundra A. Dialectal layers in West Iranian: a Hierarchical Dirichlet Process Approach to Linguistic Relationships // Transactions of the Philological Society 120 (2022 in print): 1–31.
- Dybo V.A. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlya indoyevropeyskoy i baltoslavianskoy aktsentologii. I. Imennaya aktsentuatsiya (Afghan stress and its implications for Indo-European and Balto-Slavic accentology. I. Nominal accentuation) // Ed. T.M. Sudnik. Baltoslavianskiye issledovaniya (Balto-Slavonic Studies). 1974, 67–105. (In Russ.)
- Efimov V.A. Udarenie v yazyke ormuri (Stress in the Ormuri language) // Iranskoe yazykoznanie. Ezhegodnik 1981 (Iranian Linguistics. Yearbook 1981). Moscow, 1985, 31–64. (In Russ.)
- Efimov V.A. Yazyk ormuri v sinkhronnom i istoricheskom osveshchenii (The Ormuri language in synchronous and historical perspective). Moscow: Vost. lit., 1986; Eng tr. edited by J.L.G. Baart: Efimov V.A. The Ormuri language in Past and Present (FLI language and culture series. Volume 6). Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011. (In Russ./Eng.)
- Efimov V.A. Yazyk parachi (The Parachi language). Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2009. (In Russ.)
- ESIYA – Rastorgueva V.S., Edel'man D.I. Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov (Etymological dictionary of Iranian languages). Moscow: Vostochnaya literatura RAN. Vol. 1 – 2000; Vol. 3 – 2007. (In Russ.)
- EWAia – Manfred Mayrhofer. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I–II. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Grunberg A.L. Ocherk grammatiki afganskogo yazyka (pashto) (Essay on the Grammar of the Afghan Language (Pashto)). Leningrad: Nauka, 1987. (In Russ.)
- Henning Walter Bruno. The disintegration of the Avestic studies // Transactions of the Philological Society 1941, 41: 40–56.

- Hoffmann Karl. *Vedica. Aufsätze zur Indoiranistik*. Bd. III, 1992 (1982), 767-800.
- IIFL-1 – Morgenstierne Georg. *Indo-Iranian Frontier Languages*. Vol. I: Parachi and Ormuri. Oslo: Institut for Sammenlignende Kulturforskning, 1929.
- Klingenschmitt Gert. *Mittelpersisch* // Bernhard Forssman, Robert Plath (Eds.) *Indoarisch, Iranisch und die Indogermanistik. Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 2. bis 5. Oktober 1997 in Erlangen*. Wiesbaden, 2000, 191-230.
- Kroonen Guus. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden/Boston: Brill, 2013.
- Morgenstierne Georg. *Archaisms and innovations in Pashto Morphology* // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*, 1942, 12: 88-114.
- NEVP – Morgenstierne Georg. *A new etymological vocabulary of Pashto* / by Georg Morgenstierne; compiled and edited by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Reichert, 2003.
- OLD – Glare P.G.W. *Oxford Latin Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1983.
- Orel Vladimir E. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden: Brill, 2003.

Трофимов Артем Александрович
Лаборатория востоковедения и компаративистики, ШАГИ РАНХуГС
Москва, Россия

Trofimov Artem Aleksandrovich
Centre for Oriental Studies, STEPS RANEP
Moscow, Russia

artemii.trofimov@gmail.com